

Удовикова Анна

Годовщина

16+

Анна Владимировна Удвикова

Годовщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54886789

SelfPub; 2020

Аннотация

Юмористическая миниатюра о семейной жизни. В насыщенных буднях своих я совершенно забыла о двенадцатилетней годовщине нашего брака...

Я поссорила с мужем.

С утра все было хорошо, муж был ласков и хотел обниматься. А потом я посмотрела в окно и увидела, что там отвратительная погода. Как, впрочем, почти всегда бывает зимой в Санкт-Петербурге. Особенно если ты живешь в квартале новостроек, да еще в съемной квартире. В которой минимум мебели: нет гардероба (оттого вещи уже полгода в беспорядке навалены в сумках знаменитой клетчатой расцветки китайского производства), нет отдельной кровати для ребенка (поэтому дите спит со мной, а муж на раскладушке, позаимствованной у тещи), нет письменного стола (он жизненно необходим для того, чтобы чувствовать себя интеллигентным человеком), нет стульев (муж унес на работу, но это не помогло ему на ней усидеть)... И вот, выглянула я в окно 17 этажа, чтобы с печалью в сердце увидеть с этой ненужной верхотуры стада подъемных кранов, бульдозеров и экскаваторов, пасущихся вокруг серых бетонных скелетов, увязающие в жирной строительной мешанине из земли, цемента, песка и снега – и захотелось мне всего этого не видеть. Выйти бы из подъезда, быстренько в машину – и адью. В аэропорт и – в Нью-Йорк! Ну, или хотя бы к бабушке, на «Московскую», там район обжитой. Хрущевки в окружении деревьев и скамеек...

Сейчас бы на машине, да с ветерком! И не нужно шлепать по грязи через сквозные ветра новостроек к остановке, ждать автобуса и ехать потом в пропахшем дизелем, постновогод-

ним перегаром и звериными шкурами нутре. А вылезши оттуда на холодный воздух, уныло чавкать по полуоотаявшим бензиновым лужам к дому бабушки. Всего этого безобразия можно было бы избежать, будь у нас машина. Однако вместо машины у нас имеется огромный долг, образовавшийся в виде кредита на ее приобретение... И так мне стало грустно от всех этих мыслей, просто невыносимо грустно, что я решила наговорить мужу кучу всяких неприятных вещей. Или сделать ему какой-нибудь неожиданный сюрприз. Чтобы ему тоже стало грустно.

Это желание совпало с утренним, а точнее полуденным (потому что в нашей богемной семье принято вставать не ранее двенадцати часов дня) кормлением ребенка. Кормление малыша – очень сложная процедура, требующая от родителя максимальной самоотдачи. Прежде всего, ребенка требуется догнать, затем поймать и посадить на колени, после чего кормить, твердо и нежно удерживая на коленях (у богемной семьи нет обеденного стола), под мультики и с долгими уговорами перед каждой ложкой. Мне приходится заниматься этим каждый божий день по четыре раза, и я абсолютно точно знаю, что ни один мужчина в мире не в состоянии осилить даже однократного кормления четырехлетнего ребенка. Это действие настолько изматывающее, что после него я чувствую себя как выжатый лимон, что уж говорить о слабых мужчинах. Мужчине легче задушить голыми руками быка, или разгрузить в одиночку десяток железнодорожных вагонов, или

сделать качественную генеральную уборку квартиры в канун восьмого марта. Но накормить ребенка ненавистой овсяной кашей с яблоком, вареньем и творогом – этот подвиг под силу только настоящему Герою. Или Женщине.

Первым пунктом моего мщения мужу за свое плохое настроение стало поручение накормить ребенка. Я изначально знала, что у него ничего не получится, но помучить мужа стоило. Чтобы потом, когда он потерпит сокрушительное фиаско, объявить его бездельником. И осуществление этого пункта должно быть выверенным и красивым, чтобы возлюбленный не догадался о том, что это не дешевый экспромт. А план по его моральному уничтожению.

– Дорогой, мне нужно срочно поставить мясо в духовку, чтобы оно успело приготовиться к моменту твоего выхода на работу (посыл: видишь, какая я заботливая!). Если я сейчас сама начну кормить ребенка, то ты будешь весь день (точнее, весь остаток дня и часть ночи) работать голодным.

Здесь надо отметить, что мой муж, хоть и является, по его несокрушимо-му мнению, представителем творческой интеллигенции, сейчас, в силу «объективных обстоятельств субъективного характера» (как выразился один мой знакомый слепой философ) вынужден зарабатывать деньги ремонтом квартир. Работа эта требует огромных физических энергозатрат. И психических также, так как для того, чтобы подвигнуться на труд, мужу необходимо долго себя уговаривать. Также непрерывная самонастройка ему требуется и в про-

цессе работы. Ведь муж – художник. Скульптор. Элита в области художественного творчества. Белая кость. В те периоды, когда муж вынужден подвизаться на поприще маляра-отделочника, его трудовая смена начинается с того, что он полдня уныло слоняется по квартире, периодически припадая к экрану монитора и шоколадкам с булочками и смотрит телевизор. Но стоит мне, защитой по горло хозяйственно-бытовой деятельностью, попросить его хотя бы о малейшей, самой элементарной, незначительной услуге, он тут же взрывается возмущенной тирадой: «Ты что, не понимаешь, мне некогда! Не-ког-да! Я должен идти на работу! Я уже опаздываю!» Затем идет поучительный монолог: «Если я не буду работать, что мы будем есть? Чем платить за квартиру? Скажи, когда мне работать? Если я не буду работать, кто тогда будет деньги приносить? Ты? Давай! Давай! Ты зарабатывай деньги, а я с удовольствием посижу дома с ребенком!»

Психические энергозатраты мужа настолько существенны, что восполнить их можно только в том случае, если он будет полностью освобожден от помощи жене по хозяйству.

Физические энергозатраты требуют компенсации в виде трехразового питания в день, с обязательной мясной составляющей. Это – также одно из неперемных условий его выхода на работу.

Вследствие вышесказанного муж задумался: с одной стороны, от него требуется покормить ребенка. А включение в домашнюю деятельность приведет к недостаточному психи-

ческому восстановлению после предыдущего рабочего дня, а также невозможности качественной настройки перед днем предстоящим. С другой стороны, отказ от помощи автоматически приведет к труду на голодный желудок. И неизвестно, что хуже. Сложная борьба чувств отразилась на лице мужа. Поставленный перед почти ультимативным выбором, с неодобрением глядя на мое строгое решительное лицо, он чувствовал, что за всем этим кроется какой-то подвох. Но, догадываясь об этом, не мог оспорить справедливости моих слов. Возразить было нечего.

– Ладно. Только давай побыстрее, – недовольно проворчал он и пересел на диван. Оттуда было удобнее кормить малыша, нежели с кресла. Тарелку с кашей, творог и прочее можно было размесить прямо на диване, рядом с собой.

– А это уж от тебя зависит, как быстро ты сможешь покормить ребенка, – произнесла я с милой улыбкой, и от нее моего возлюбленного даже передернуло.

И я пошла на кухню, за только что сваренной кашей.

– Диана! – слышу я. – Давай кушать! – муж зовет ребенка императивно и громогласно.

«Ага, – думаю, – сейчас. Разбежался. С нашим ребенком такое обращение не пройдет».

Так и есть. Ребенок продолжает заниматься своими делами. Он залез в свой большой пластмассовый домик и, напевая песенку из серии «что вижу, то пою», занимается благоустройством игрушечного быта.

– Дианочка! Иди сюда, будем кушать! – снова громко зовет ребенка муж. В голосе уже можно уловить стальные нотки.

Ребенок не слышит. Он увлечен игрой.

В это время я приношу горячую овсяную кашу и ставлю ее рядом с мужем, на диван.

– Диана, я жду! – начинает кипятиться папаня.

– Ля-ля-ля, мой цветочек, цветы! Солнышко, свети ко мне в окошко, дождик, иди... Ля-ля-ля... – тоненьким чистым голоском напевает малыш только что сочиненную песенку. Личико светлое, задумчивое.

– Дианочка, ты меня слышишь?! Да что же это такое?! – возмущается муж. Он воздевает правую руку к небу (в левой у него телефон, с которым он не расстается даже в уборной), а затем, как бы в полном бессилии изменить происходящее, роняет ее вниз. По досадной случайности, рука попадает прямо в тарелку с горячей кашей.

С грандиозным ревом, которому позавидовал бы даже рассерженный медведь, и ругательствами, от которых у порядочных людей краснеют уши, муж помчался в ванную, чтобы поместить пострадавшую руку под холодную воду.

– Папа, папочка, что с тобой? – закричал ребенок и, выбравшись из домика, рванул за батяней в ванную.

Заглянув в ванную и убедившись, что все эти вопли не стоят и выеденного яйца (рука почти не покраснела. Да и отчего она должна была покраснеть, если каша уже почти

остыла?), я быстренько заканчиваю свои дела на кухне. Мне нисколько не жалко мужа. Мне жалко себя. Потому что моим планам вряд ли суждено сегодня сбыться: муж будет трясти передо мной своей псевдообожженной рукой как доказательством невозможности осуществить ею какое бы то ни было кормление, в том числе и самого себя. Более того, теперь у него будут неопровержимые основания для того, чтобы не ходить на работу. А это крах всем моим надеждам иметь хотя бы незначительный отдых в течение дня. Почему? Ответ на этот вопрос требуется только для мужчин. А что касается женщин, состоящих в законном браке со стажем более двух-трех дней, то им не требуется объяснений. Муж, который сидит дома и муж, который ходит на работу – это две совершенно разные вещи. Муж, который на работе – это практически недостижимый идеал, и его недостижимость напрямую зависит от дальности месторасположения мужниной работы и времени нахождения на ней (в смысле, на работе). Если недостижимый идеал при этом регулярно приносит респектабельную зарплату во время своих недолгих, необременительных домашних посещений, то такой муж бесценен. Муж, который сидит дома – это противоположный вариант. Отмечу главное: муж всегда и постоянно хочет есть. Но, в отличие от жены, которая тоже перманентно хочет есть, особенно если она на диете, а на диете она всегда, мужу требуется полноценное питание:

– горячий завтрак, состоящий, как минимум, из яичницы

из четырех яиц с беконом и трех бутербродов (а не какие-нибудь мюсли на обезжиренном молоке, с которых решительно начинает свой диетический день жена);

– через полтора-два часа мужу бесспорно требуется перекус, который может состоять из пары пирожных, или трех кусочков торта, или полукилограмма печенья, или ста граммов шоколада и т.п. (у жены, разумеется, здесь один сплошной прочерк с нервами);

– обед мужа состоит из небольшого тазика салата, заправленного майонезом или жирной сметаной (две столовые ложки незаправленного салата откладывает себе жена. На этом ее обед заканчивается), двух литров жирного борща с чесноком и сметаной и хлебом с маслом, затем жареного мяса с картошкой. В дополнение к этому полагается десерт. Если обед предваряется несколькими рюмками водки (для улучшения аппетита), то такая трапеза плавно перерастает в ужин;

– ужин – это тот же самый обед, но без первого блюда. Если ужин перетек из обеда, то в нем явственно присутствует алкогольная составляющая (диета жены, к сожалению, отрицает ужин);

– второй, почти ночной, ужин мужа уже почти неизбежен для хозяйки. Он включает либо мучное и сладкое, либо алкогольные напитки (и чаще всего именно в это время жена, утомленная волевым усилием придерживаться диеты, позволяет себе компенсировать с лихвой все дневные энер-

гозатраты, что приводит к поглощению за один прием всех тех блюд, которые муж потреблял в течение целого дня).

Представив себе список предстоящих мне сегодня кормлений (а меню ребенка и меню мужа категорически не совпадают, следовательно, мне придется готовить два завтрака, два обеда и два ужина плюс многочисленные перекусы в двух вариантах), я призадумалась. Теперь даже автобус с перегарным запахом казался вполне приемлемым. И хрен с ней, с машиной. Я дождалась, когда муж наконец выйдет из ванной, закончив поливать руку холодной водой, и на всякий случай поинтересовалась, будет ли он продолжать так и не начавшееся кормление ребенка, а также пойдет ли он сегодня на работу. Двойной отрицательный ответ подтвердил мои худшие опасения. Если я немедленно не уеду к маме, меня ждет каторжный день, который будет тем более тяжел, что я буду чувствовать себя намного хуже оттого, что мне придется пахать, не разгибая спины, на фоне лежащего на диване мужа. В семейной жизни страшнее всего такие вот контрасты.

Заново сварив кашу и накормив, наконец, ребенка завтраком, я собрала сумку.

Голодный муж опустошенно лежал на диване и смотрел в потолок. Он молчал. Как будто не замечал, что мы собираемся уходить. Чувствовалось, что он крайне недоволен происходящим, но обида не дает ему высказаться. «На обиженных воду возят. Вот и лежи!», – нелогично подумала я. И тут

муж подал голос:

– Вы куда? Гулять?

Значит, он не заметил, что я собирала сумку.

– А как же завтрак? Ты что, меня не накормишь? – спросил муж. – Ты бы приготовила мне завтрак, а я бы вместо работы, уж раз обжег руку, съездил бы в магазин. Завтра же день нашей свадьбы. Ты что, забыла? Я уже и подарок тебе присмотрел.

– Да?.. Мы, вообще-то, сегодня к маме... – В насущных буднях своих я совершенно забыла о том, что завтра – двенадцатилетняя годовщина нашего брака. От слов мужа внутри моей головы неожиданно все стало на свои места. Станным образом улетучились раздражительность и вечная усталость от однообразных хозяйственных хлопот.

– Как «к маме»? А отмечать не будем? С цветами, шампанским...

Настроение мое перепрыгнуло из ворчливо-тоскливого в предвкушающе-счастливое.

– Как это не будем? Будем, еще как будем! Конечно! Да какая работа! Конечно, побудь дома, отдохни! Тебе надо восстановиться! Давай руку чем-нибудь помажем! Может, тебе картошечки пожарить? Молочка налить? Или какао сварить? А что ты мне подаришь? Лежи, лежи, не вставай пока, отдыхай! Димка, какой же ты у меня молодец!